

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.511.1'373.21 + 81'373.234

И. И. Муллонен

ОТ ЧУДИ ДО МЕРИ

Рец. на: *Rahkonen P. South-Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics.* — Jyväskylä : Bookwell Oy, 2013. — 246 p.*

В публикации анализируется работа финляндского топонимиста Паули Рахконена, посвященная исследованию субстратной финно-угорской гидронимии Верхневолжья и примыкающих к нему территорий, на которых проживали летописные меря, мурома, мещера и чудь. Отмечается современный уровень исследования, опирающегося на широкий спектр методических приемов, опыт как российской, так и финляндской ономастической школы, обширный и в целом достоверный ономастический материал. В работе предложен целый ряд новых достоверных этимологий, при этом сильной стороной исследования является их историко-фонетическое обоснование. Положительно оценивается предложенная в работе методика, основанная на дистрибуции типовых топооснов древнемордовского, мерянского, муромского и мещерского типов с семантикой 'верхний' — 'нижний', 'большой' — 'маленький', 'черный' — 'белый', реконструированных на основе установленных фонетических соответствий и привязки топооснов к соответствующим летописным этническим ареалам. Анализ приводит к в целом достоверным и перспективным результатам, указывающим, в частности, на более западный в сравнении с современным ареал древнемордовского расселения, близкородственные связи мерянского и муромского языков и при этом близость их не столько марийскому, сколько прибалтийско-финско-саамскому языковому миру. Отдельного внимания заслуживает вывод о пермских (не волжских) истоках мещеры, подтверждаемый пермским фонетическим обликом типовых топооснов и соотносящийся с археологическими свидетельствами. На материале древних гидронимов

* Рецензия подготовлена в рамках проекта «Fennica» Программы стратегического развития ПетрГУ.

автору удалось реконструировать цепочку языков и диалектов, связывающих между собой прибалтийско-финскую и поволжскую часть западных уральских языков. Одновременно с сожалением отмечается, что из этой цепочки выпала белозерская весь, имевшая, судя по топонимии Белозерья, неприбалтийско-финские истоки. В рецензии также дискутируются некоторые положения, связанные с неприбалтийско-финской атрибуцией чуди, выделением ряда гидроформантов и их истоками (*-бол*, *-ра*). Предлагаются другие этимологии отдельных топооснов (например, *Сонд-*).

К л ю ч е в ы е с л о в а: финно-угорские языки, субстратная топонимия, меря, мурома, мещера, чудь, типовые топоосновы, гидроформанты, Поочье, Русский Север.

Топонимический ландшафт той обширной территории Средней и Северной России, которая расположена между ареалами проживания прибалтийских и волжских финнов, традиционно находится в центре внимания финно-угорской ономастики. Первые шаги в его исследовании заложены еще в XIX в. основателями финно-угроведения Шегреном, Кастреном, Европеусом и др. Их идеи и наработки получили дальнейшее развитие в работах М. Фасмера. На современном этапе, берущем начало с исследований А. К. Матвеева, продолжается активный поиск, топонимия рассматривается в качестве основного источника реконструкции языковой ситуации региона в I тыс. н. э.

Исследование Паули Рахконена развивает и конкретизирует идеи предшественников по реконструкции дославянской этноязыковой карты названной территории. По форме книга представляет собой объединенные обширным предисловием и развернутым заключением четыре разноязычные (на английском, русском, финском) статьи, опубликованные в рейтинговых периодических изданиях. В первой статье анализируется финно-угорская (по терминологии автора «чудская») гидронимия Поволховья; во второй, знакомой читателям «Вопросов ономастики» [см.: Рахконен, 2012], реконструируются границы бытования меряно-муромских и древнемордовских гидронимов в Верхневолжье и на Оке; в третьей основной упор сделан на выявлении в поволжской топонимии мещерских гидронимов; четвертая статья посвящена субстратной топонимии Финляндии.

Материал для исследования собран в основном из карт, прежде всего, региональных атласов двухкилометрового масштаба. Топонимисты знают, насколько это уязвимый источник — и в силу того, что на карты попадают лишь названия относительно крупных водных объектов, вырванные, к тому же, из топонимического контекста, и потому, что карты фиксируют только официальный топоним, не говоря уже о том, что карты, к сожалению, пестрят ошибками и описками в написании географических названий. Автору не удалось избежать изъянов материала. Так, приводимый им список прибалтийско-финских топонимов Ленинградской области (с. 73) может вызвать только недоумение в силу случайности попавших в него топонимов, собранных из карт. Среди казусов, связанных с интерпретацией неправильно написанного на картах названия, отмечу только один: внешнее сходство русских букв *p* и *z* привело к тому, что на некоторых картах название реки *Воймига* ошибочно записано как *Воймира*, в котором автор пытается вычленить гидроформант *-ра*. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что помимо картографического материала

привлечены и другие доступные автору источники, в первую очередь замечательный каталог Г. П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки».

С другой стороны, материалы карт обладают рядом преимуществ, которыми автор умело пользуется. Привязка топонимов к местности позволяет понять мотивы названия, задает вектор для этимологического поиска, особенно в случае многократной привязки топоосновы к объектам с идентичной топографической характеристикой. В статье по субстратной топонимии Финляндии приведен целый ряд фрагментов топографических карт территории Финляндии и смежной Карелии, показывающих привязку гидронимов с основой *Vuoh-/Oht-/Uht-* (*Vuohtajärvi*, *Vохтозеро*, *Вохтома*, *Uhtua*, *Ухта*, *Ohtimus*, *Охтама* и др.) к волокам и, таким образом, подтверждающих высказанную уже ранее на материале Европейской части России этимологию гидронимной основы *Ухт-* и ее фонетических вариантов как восходящей к финно-угорской лексеме **ukti* ‘перешеек, волок’ [см.: Муллонен, 2002, 208–215; Saarikivi, 2007, 38]. Кстати, П. Рахконен предлагает для основы более конкретные меряно-муромские истоки, опираясь на ее ареал, тянущийся от Верхневолжья на юго-востоке до карельского Поморья и северной оконечности Ботнического залива Балтийского моря на северо-западе. В свою очередь, топонимы с вариантами основы *Vieks-/Viiks-/Vääks-* (*Vieksijoki*, *Viiksimojärvi*, *Vääksy*) последовательно привязываются к протокам, соединяющим между собой два озера или озеро с рекой, и такая ландшафтная характеристика позволяет автору реконструировать в основе названий ф.-у. **viks(V)* ‘протока’, сохранившееся в коми термине *вис*. В данном случае исследование Рахконена отодвигает западную границу гидронимной основы, хорошо известной на Русском Севере и в Карелии (*Виксенда*, *Викиозеро*, *Векса* и др.), на территорию восточной Финляндии.

Наиболее инновационный результат исследования топооснов — это предложенная в работе дистрибуция топооснов древнемордовского (не обязательно прямого предка современного мордовского), мерянского, муромского и мещерского типов на основе установленных фонетических соответствий и привязки их к соответствующим летописным этническим ареалам. Автором использован верный методический прием — выделение типовых топооснов с семантикой ‘верхний’ — ‘нижний’, ‘большой’ — ‘маленький’, ‘черный’ — ‘белый’, содержание которых к тому же возможно проверить (подтвердить) топографически или бинарной оппозицией. Так, в работе с опорой на топонимические данные реконструировано три исторически родственные лексемы с семантикой ‘верхний’, каждая из которых представляет определенный волжский языковой тип: древнемордовский *вел*, меряно-муромский *ил* и мещерский *вил*. Соответственно, к примеру, значение ‘большой’ представлено в топоосновах в виде *ин*, *вон* (< **он*, **эн*) и *ун*, а ‘маленький’ — *веж* / *вешк*, *вяз* и *ич*.

Анализ приводит к в целом достоверным и перспективным результатам, указывающим, в частности, на более западный в сравнении с современным ареал древнемордовского расселения, близкородственные связи мерянского и муромского языков и при этом близость их не столько марийскому, сколько прибалтийско-финско-саамскому языковому миру. Отдельного внимания заслуживает вывод о пермских (не волжских) истоках мещеры. Последний тезис подтверждается в работе значительной близостью с удмуртской гидронимией (что не вполне однозначно), а также пермским фонетическим обликом типовых топооснов на Оке, свидетельствующим об едином образе протекавшем фонетическом развитии. Автор полагает, что за этим стоит многоэтапная, продолжавшаяся

с конца I тыс. до н. э. до второй половины I тыс. н. э. миграция пермяков на запад, подтвержденная и археологически, с целью контроля важных волоков и устьев рек Москва, Мокша, Клязьма и Ока. При всех вопросах, возникающих к авторской интерпретации этого непростого материала, она, безусловно, заслуживает внимания и дальнейшего развития. Ее сильной стороной является — наряду с учетом топонимической типологии — историко-фонетическое обоснование, которого так не хватало предшествовавшей исследовательской практике.

На фоне изысканий, проведенных в мерянско-муромо-мещерском Поочье, «чудские» сюжеты, связанные с Поволховьем, выглядят менее убедительно. П. Рахконен оспаривает традиционные для науки представления о прибалтийско-финских истоках поволховской чуди и выдвигает серию доказательств в пользу ее принадлежности к западным уральским языкам, занимавшим промежуточное положение между волжскими и прибалтийско-финскими языками, близкородственным мерянскому. Среди этих доказательств отсутствие надежных прибалтийско-финских этимологий для гидронимов Новгородской и Псковской областей, в то же время многие из них (в том числе и традиционно считающиеся прибалтийско-финскими *Ильмерь*, *Мста* и некоторые другие) имеют аналоги на территории Поочья. В здешней гидронимии не обнаруживается и надежных прибалтийско-финских формантов. В фонетическом облике гидронимов присутствуют несвойственные прибалтийско-финским языкам звуки, например аффриката *č* (*Черема*, *Чагода*, *Чечера*) или шипящий *š* (*Шабодро*, *Шуя*), и в то же время отсутствуют такие прибалтийско-финские маркеры, как *h*. При этом, однако, автору не удалось выявить столь же яркие дистрибутирующие чудские топоосновы, каковые он вычленил в Поочье. Остаются без объяснения и ранние прибалтийско-финские заимствования в новгородском койне.

Я обратила бы внимание также на то, что автор слишком однозначно интерпретирует отэтнонимные топонимы с основой *Чудь-/Чуд-* как маркеры границ древнего чудского ареала. На самом деле такие топонимы являются, скорее, свидетельством русского проникновения на восток по водным путям и указывают на места русско-чудских контактов. К тому же, на разной территории и в разное время содержание топоосновы *Чудь-/Чуд-* не было идентичным. Так, в районе Тихвина и реки Тихвинки топонимы с основой *Чудь-/Чуд-* маркируют южную границу вепсской территории и связаны, таким образом, с вепсами. Стоит, видимо, упомянуть, что именно здесь, в районе Тихвина, вепсов называют *чухарями*. Иначе говоря, приведенных в исследовании П. Рахконена обоснований не вполне достаточно, чтобы говорить о поволжской, а не прибалтийско-финской чуди. Хотя сама идея поволжского наследия в топонимии Поволховья, как и деления чуди на западную, обнаруживающую черты сходства с прибалтийско-финским языковым миром, и восточную, близкую мере, представляется перспективной.

П. Рахконен в целом не развивает новых методов ономастического исследования топонимического субстрата, однако умело использует наработки предшествующего исследования финно-угорской топонимии на территории Русского Севера и Верхней Руси. В частности, его анализ формантов базируется на, кажется, уже закрепившемся в последнее десятилетие представлении о том, что большинство из них восходит к соответствующим суффиксам и лишь некоторые — к выраженным «речным» или «озерным» термином детерминантам. Среди последних интересны форманты *-да* и *-дра*, выступающие соответственно в наименованиях рек (*Чагода*, *Тугода*, *Еда* и др.) и озер (*Едрово*,

Кезадра, Шерегодра и др. в Новгородской области), в их истоках автор реконструирует термины *jogV* ‘река’ и *jägrV* ‘озеро’, в которых воплотился звукопереход $g > d$. Убедительна интерпретация форманта *-жа*, который П. Рахконен вслед за А. К. Матвеевым [2004, 21] квалифицирует как диминутивный. Перспективными представляются также некоторые положения, высказанные в исследовании о хронологии формантов, к примеру, отсутствие форманта *-кса* в ареале бытования дьяковской археологической культуры автор рассматривает как доказательство относительно позднего возраста данного форманта. Информативны и карты, на которых представлены ареалы ряда формантов.

С другой стороны, интерпретация, предложенная в работе для ряда формантов, вызывает возражение. Не убеждает предлагаемая в работе индоевропейская этимология для форманта *-бол*. Его надежнее рассматривать в одном контексте с приб.-фин. *puoli* ‘сторона, половина’, характерным для ойконимов. Более убедительных доказательств требует возведение *-па* к древнему термину **r(h)a* ‘река’. Приведенные топонимные примеры допускают другие истоки финали *-па*. Так, гидроним *Сухра* (с вариантом *Сухла*) может в действительности иметь в истоке апеллятивный этимон, ср. субстратный ландшафтный термин *сохра* ~ *согра*. В свою очередь, в основе гидронима *Вишепа*, имеющего несколько фиксаций, допустимо восстанавливать финно-угорскую (прибалтийско-финско-саамскую) топооснову **vishera* ‘зеленый’, в которой элемент *-ра* является частью основы. Есть и совсем маргинальные случаи, как, например, упомянутая выше р. *Воймира* (вместо *Воймига*), где появление *-па* объясняется элементарной ошибкой в передаче на письме первоначальной буквы *г* через близкую по написанию *р*. Неправдоподобен и приводимый автором довод в пользу древних доприбалтийско-финских истоков форманта *-па* в виде финали *-ар* в целом ряде лимнонимов в ареале вепсского расселения (типа *Mudar*, *Pit'ar*). В действительности это рудимент вепсского детерминанта *-järv* ‘озеро’. Приходится констатировать, что проблема истоков финно-угорских гидроформантов продолжает сохранять свою актуальность.

Как в любом исследовании по субстратной топонимии севера, в книге П. Рахконена среди множества убедительных этимологических интерпретаций есть некоторые, дающие повод для дальнейшего поиска. Требуют, как представляется, дополнительной проверки некоторые пермские параллели. Из топооснов, хорошо известных в Карелии, обращу внимание на *Suont-*, этимология которого (‘кривой’), предлагаемая в статье 4 по субстратной топонимии Финляндии, спорна с точки зрения топонимической семантики. Большинство гидронимов с этой основой — это речные наименования (*Сондуга*, *Сондога*, *Сондала* и др.), а реки, как правило, не идентифицируются как кривые. Кроме того, этимологические связи карел. *sonto* и коми *sundola* далеко не очевидны. В карельской и вепсской топосистемах топооснова оформлена суффиксом *-le* (*Suontale*, *Sondal*), сопоставимым с саамским суффиксом отглагольных имен, выделяемым и в ряде других древних топонимов, например, *Vitele*, *Simpele* и др. В топооснове же в этом контексте можно реконструировать прасаам. **sōntē* ‘разрезать’, имеющем соответствие и в волжских языках [Lehtiranta]. Этимология поддерживается топографически тем обстоятельством, что реки с названием *Сондала* в нижнем течении, непосредственно перед устьем, протекают через озеро, «разрезая» его. Они, собственно, представляют собой самый нижний участок более крупной водной системы [см. подробнее: Муллонен, 2002, 263–267], а положение объекта внутри водной системы — в данном случае информация о том, что водный путь не завершается озером, а продолжается за ним, — часто отражается в гидронимах.

Книга содержит множество ценных находок, сделанных, что называется, по ходу, на полях основного исследования, таких, например, как замечание о близости прасаамского и мерянского языковых состояний, важное в контексте реконструкции того древнего языка, который бытовал за северными границами Верхневолжья. В плане понимания механизма формирования административных границ и их преемственности существенен основанный на ареальном анализе мерянских топонимных типов вывод о том, что Ростово-Суздальское княжество возникло на бывших мерянских землях. Исследование предлагает и некоторые новые этимологии, как, например, очень убедительная исконная финно-угорская этимология прибалтийско-финского прилагательного *vähä* 'маленький' взамен устоявшейся германской, предлагаемой составителями этимологического словаря финского языка [SSA, 3, 478].

Итоги исследования, подведенные в Заключение, представлены в виде двух карт и комментариев к ним. На первой карте проведена южная граница прибалтийско-финской гидронимии, проходящая от Чудского озера на западе через верхнее течение Волхова и Белое озеро к верховьям Северной Двины, что в целом, видимо, соответствует действительности, хотя автор упускает из внимания, что прибалтийско-финская гидронимия здесь разновременна. Попутно замечу, что идея становления юго-восточной границы прибалтийско-финского языкового ареала вынесена в заглавие исследования, хотя основное его содержание все-таки связано с тем этноязыковым миром, который располагался за пределами этой границы и контактного ареала. Этот мир представлен на второй карте, которая демонстрирует этноязыковую ситуацию I тыс. н. э. на территории, расположенной между Волгой и Балтикой. На ней реконструированы ареалы проживания мери, муромы, мешеры, чуди, а также их соседей. Предложенная карта рождает некоторые вопросы. Например, на ней отсутствует белозерская *весь*, отмеченная в летописи в одном ряду с мерей и чудью. В Белозерье нет ранней прибалтийско-финской (вепсской) топонимии, при том, что в ней обнаруживаются бесспорные топоосновы и форманты, аналогичные мерянским и условно прасаамским, что может указывать на неприбалтийско-финские корни летописной *веси*. Как *чудь* из этнонима, называвшего древнее население поволжского типа, превратилась с течением времени в название прибалтийско-финского населения, так и этноним *весь* наполнился новым содержанием. «Веский» сюжет, к сожалению, остается полностью за пределами внимания автора. Автор оставляет также без специального комментария некоторые из отмеченных на карте этнических групп, например, кто такие «Archaic Uralic», помещенные в район верхней Онеги, и как они соотносятся с «Para-Saami» южного Обонежья? Однако в целом карта предлагает непротиворечивую картину, на которой выстроена цепочка языков и диалектов, связывающих прибалтийско-финский и поволжский мир. Результаты проведенного Паули Рахконеном исследования, безусловно, заслуживают внимания и с точки зрения теории ономастики, и с позиций этнической истории Верхней Руси и будут востребованы последующими исследователями субстратной топонимии Верхневолжья.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 3 ч. Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004.

- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск : Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 2002.
- Рахконен П.* Границы распространения меряно-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне Оки // *Вопр. ономастики.* 2012. № 1 (12). С. 5–42.
- Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.
- Saarikivi J.* On the Uralic Substrate Toponymy of Arkhangelsk Region: Problems of Research Methodology and Ethnohistorical Interpretation // *Onomastica Uralica 4 : Borrowing of Place Names in the Uralian Languages* / ed. by R. L. Pitkänen, J. Saarikivi. Debrecen ; Helsinki : [s. n.], 2007. P. 45–109.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : SKS, 1992–2000.

Рукопись поступила в редакцию 22.02.2014 г.

* * *

Муллонен Ирма Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
директор Института языка, литературы и
истории Карельского научного центра РАН
185910, Республика Карелия,
Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
тел. 8 (8142) 78 44 96
E-mail: mullonen@sampo.ru

Mullonen, Irma Ivanovna
DSc., professor, Director of the Institute
of Language, Literature and History
Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya st.,
185910, Petrozavodsk, Karelia, Russia;
tel. +7 8142 78 44 96
E-mail: mullonen@sampo.ru

FROM CHUD TO MERYA

Review of: Rahkonen, P. (2013). *South-Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics*. Jyväskylä: Bookwell Oy*

The article reviews the work by Pauli Rahkonen devoted to the research of substrate Finno-Ugric hydronymy of the Upper Volga region and adjacent territories where there lived Merya, Muroma, Meshchera and Chud — peoples mentioned in old manuscripts. The author emphasizes the contemporary level of the work using a wide range of methods reflecting the experience of both Russian and Finnish schools of onomastics and based upon extensive and mostly reliable data. The work provides a number of new trustworthy etymologies with solid historical phonetic argumentation. The author also gives a positive appraisal of the method based upon the distribution of typical toponymic stems of the Old Mordvinian, Merya, Murom and Meshchera types with meanings ‘upper’ — ‘lower’, ‘big’ — ‘small’, ‘black’ — ‘white’ which were reconstructed based on the established phonetic correlations and the connections of those stems to the corresponding ethnical areas, traced according to manuscripts. P. Rahkonen’s analysis leads to generally reliable conclusions, testifying, among others, to a more Western, in comparison

* This work was supported by the Program of Strategic Development of Petrozavodsk State University (project “Fennica”).

with the contemporary, area of the Old Mordvinians' settlement as well as to close relations between the Merya and Muromian languages having more connections with the Balto-Fenno-Sami linguistic community than with the Mari one. The author pays close attention to the conclusion about Permic (not Volga) origin of Meshchera confirmed by the Permic phonetic form of typical toponymic stems and by related archaeological data. The author recognizes that, with reference to old hydronyms, P. Rahkonen could reconstruct a chain of languages and dialects linking Balto-Fennic and Volga groups of the Western Uralic languages. However, the author regrets to notice that the abovementioned chain does not include the Ves of Belozerye which had, as to toponymy, non-Balto-Fennic origin. The review also debates some statements related to the non-Balto-Fennic attribution of Chud as well as to the isolation of some hydronymic formants (*-bol*, *-ra*) and their etymologization, and offers alternative etymologies of some stems (e. g., *Sond-*).

Key words: Finno-Ugric languages, substrate toponymy, Merya, Muroma, Meshchera, Chud, typical toponymic stems, hydronymic formants, Oka River region, Russian North.

- Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Eds.). (1992–2000). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* [The Origin of Finnish Words. An Etymological Dictionary]. (Vols. 1–3). Helsinki: SKS.
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteissaamelainen sanasto* [The Common Sami Vocabulary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Matveyev, A. K. (2004). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vols. 1–3) (Vol. 2). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Mullonen, I. I. (2002). *Toponimiia Prisvir'ia: Problemy etnoiazykovogo kontaktirovaniia* [The Toponymy of Prisvirye: Problems of Ethnolinguistic Contacts]. Petrozavodsk: PetrGU.
- Rahkonen, P. (2012). Granitsy rasprostraneniia meriano-muromskikh i drevnemordovskikh gidronimov v verkhov'iakh Volgi i basseine Oki [Merya-Muromian and Old Mordvin Hydronyms Boundaries in Upper Volga and Oka Regions]. *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)*, 1(12), 5–42.
- Saarikivi, J. (2007). On the Uralic Substrate Toponymy of Arkhangelsk Region: Problems of Research Methodology and Ethnohistorical Interpretation. In R. L. Pitkänen, & J. Saarikivi (Eds.), *Onomastica Uralica 4: Borrowing of Place Names in the Uralian Languages* (pp. 45–109). Debrecen, Helsinki: [s. n.].

Received 22 February 2014